

W $\frac{5}{26}$

ПРОСВЕЩЕНЕЦ

НА АНТИРЕЛИГИОЗНОМ

ФРОНТЕ

СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. КОРОСТЕЛЕВА

А. ЛУКАЧЕВСКОГО

И. ФЛЕРОВА

5 26

26
Акт № 45-52
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ СССР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ СОЮЗА БЕЗБОЖНИКОВ СССР

W $\frac{5}{26}$

ПРОСВЕЩЕНЕЦ НА АНТИРЕЛИГИОЗНОМ ФРОНТЕ

174 1

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. КОРОСТЕЛЕВА
А. ЛУКАЧЕВСКОГО
И. ФЛЕРОВА

52-8007.

29-30369

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»
МОСКВА * 1929 * ЛЕНИНГРАД

МАРКСИЗМ И РЕЛИГИЯ

(В выдержках из сочинений Маркса и Энгельса, Ленина и Плеханова).

I. РЕЛИГИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ

Религиозное чувство само есть общественный продукт.

(Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 201).

Религию можно определить как более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии; настроения относятся к области религиозного поклонения или, как говорят иначе, кulta...

Я сказал, что религия есть более или менее стройная, т.е. более или менее свободная от противоречий система представлений, настроений и действий. Я сказал, кроме того, что представления, свойственные религии, имеют анимистический характер. Это — общее правило, из которого, насколько я знаю, нет исключений.

(Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 197 и 232).

Всякая религия есть не что иное, как фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют в их повседневном существовании, отражение, в котором земные силы принимают форму неземных, сверхъестественных.

(Энгельс, «Анти-Дюринг».)

Религия есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не отыскал себя, или снова уже потерял себя. Но человек — не абстрактное, вне мира витающее существо. Человек — это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество создают религию, превратное мирозерцание, ибо сами они — превратный мир. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедическая сводка, его логика в популярной форме, его спиритуалистическое исповедание, его моральная санкция, его торжественное завершение, его общая основа, дающая ему утешение и оправдание. Она — фантастическое воплощение человеческого существа, ибо человеческое существо не обладает истинной действительностью...

Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух безвременья. Она — опиум народа.

(Маркс, Собр. соч., т. I, стр. 366).

Перейдем к религии. На стр. 8-й разбираемой брошюры мы встречаем такое замечание: «В интересующем нас здесь вопросе мы под религией понимаем то, что составляет ее существенный признак: веру в сверхъестественное существо, которое будто бы управляет миром и распоряжается судьбами людей».

Это опять-таки неверно, и неверно в двух отношениях. Во-первых, большинство религий приписывало управление миром не одному, а многим сверхъестественным существам (политеизм). А во-вторых, вера в существование таких существ еще не составляет главного отличительного признака религии...

Религия возникает только тогда, когда данное племя начинает верить в то, что между ним и данным сверхъестественным существом или данными сверхъестественными существами есть известные отношения, обязательные не только для людей, но даже и для этих существ. Главным отличительным признаком религии является вера в бога или богов. Но Паннекук очень ошибается, если думает, что бог и сверхъестественное существо — одно и то же. Конечно, всякий бог есть сверхъестественное существо; но далеко не всякое сверхъестественное существо считается богом. Чтобы стать богом, такое существо должно пережить целую эволюцию.

(Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 334).

Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию. Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и их ощущения причиняются не телом их, а особой от тела душой, остающейся в теле, пока оно живет, и покидающей ее, когда оно умирает, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении души к внешнему миру. Так как смерть состоит в том, что отделяется от тела душа, остающаяся живою, то нет надобности придумывать для нее особую смерть.

(Энгельс, «Людвиг Фейербах»).

Подобным же образом, благодаря олицетворению сил природы, явились первые боги, которые при дальнейшей выработке религии все более и более становились богами не от мира сего, пока в силу процесса отвлечения в головах людей не возникло, наконец, из многих более или менее ограниченных и ограничивающих друг друга богов свойственное монотеистическим религиям представления об едином исключительном боге.

(Энгельс, «Людвиг Фейербах»).

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе, — религии, философии и т. д., то у них имеется доисторическое содержание, находимое и усваиваемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. В основе этих различных неправильных представлений о природе, о строении самого человека, о духах, о волшебных силах и т. д. лежит по большей части лишь отрицательно-экономическое: низкое экономическое развитие доисторического периода имело, в качестве своего дополнения, а порою даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе.

(Энгельс, «Письмо к Конраду Шмидту»).

«Бог есть комплекс тех выработанных племенем, нацией, человечеством идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского.

И она — явно неверна и явно реакционна. Не подобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и лучшего извращения

его), вы употребляете прием, который (несмотря на ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь то, что исторически и житейски в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии — с другой стороны), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза (бог—«идеи, будящие и организующие социальные чувства»).

Вы хотите этим сказать «доброе и хорошее», указать на «правду, справедливость» и т. п. Но это ваше доброе желание остается вашим личным достоянием, субъективным «невинным пожеланием». Раз вы его написали, оно пошло в массу, и его значение определяется не вашим добрым пожеланием, а соотношением общественных сил, объективным соотношением классов. В силу этого соотношения выходит (вопреки вашей воле и независимо от вашего сознания выходит) так, что вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Николая II и г.г. Струве, ибо на деле идея бога им помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков. Вот,—скажут попы и К^о,—какая и хорошая и глубокая эта идея (идея бога), как признают даже «ваши» г.г. демократы, вожди и мы (попы и К^о) служим этой идее.

Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский идеализм, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть исторически и житейски прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека, внешней природой и классовым гнетом,—идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу. Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы одной религиозной идеи против другой.

Но и это время давно прошло.

Теперь и в Европе, и в России даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции.

Все ваше определение насквозь реакционно и буржуазно. Бог — комплекс идей, которые «будят и организуют» социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм.

Почему это реакционно? — Потому что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии.

В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, а обуздали его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства, худшего, безысходного рабства. Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей.

Буржуазное ваше определение и ненаучно, неисторично, ибо оно оперирует огульными, общими, «робинзоновскими» понятиями вообще, а не определенными классами определенной исторической эпохи.

Одно дело — идея бога у дикаря, зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое — у Струве и К^о. В обоих случаях эту идею поддерживает классовое господство, и эта идея поддерживает его. «Народное» понятие о боженьке и божечком, есть «народная тупость, забитость, темнота», совершенно такая же, как «народное представление о царе, о лешем, о таскании жен за волосы». Как можете вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю.

Что философский идеализм «всегда имеет в виду только интересы личности», это неверно. У Декарта по сравнению с Гассенди больше имелись в виду интересы личности. Или у Фихте и Гегеля против Фейербаха.

Что «богостроительство есть процесс дальнейшего развития и накопления социальных начал в индивидууме и в обществе», это прямо ужасно. Если бы в России была свобода, ведь вас бы вся буржуазия подняла на щит за такие вещи, за эту социологию и телеологию чисто буржуазного типа и характера.

(Ленин, «Письмо 34 к М. Горькому».
Ленинский сборник I, стр. 149—151).

Современное общество все построено на эксплуатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения, принадлежащим к классам землевладельцев и капиталистов. Это общество — рабовладельческое, ибо «свободные» рабочие, всю жизнь работающие на капитал, «имеют право» лишь на такие средства к существованию, которые необходимы для содержания рабов, производящих прибыль, для обеспечения и увековечения капиталистического рабства.

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы в борьбе за свое экономическое освобождение, но никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнета, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнета лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством.

Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами также неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чуда и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живут чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

(Ленин, т. VII, стр. 48).

Война не может не вызвать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами, невозможно революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? — 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», — говорит архи-реакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу» — чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что «война — войне» есть пошлая фраза без революции против своего правительства. Нельзя возбудить ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения, — и нельзя быть нелicenseм противником

«гражданского (классового) мира», не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии.

(Ленин, «О поражении своего правительства в империалистической войне», 1915 г., т. XIII, стр. 83).

Религия есть по своему существу опустошение человека и природы, лишение их всякого содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего бога, который затем снова дает кое-что человеку и природе от своего избытка.

(Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 291).

Люди, принадлежащие к этой среде, ищут пути на небе по той простой причине, что они сбились с дороги на земле.

(Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 291).

Бессилие всегда спасает себя верой в чудеса; устранив врага в своем воображении, оно считает его побежденным и теряет всякое понимание современности, отдавшись бездейтельному прославлению будущего, мечтая о подвигах, которые у него будто бы есть в запасе, но которых оно отнюдь не желает осуществлять на деле.

(Маркс, т. III, стр. 139).

II. ЭКСПЛОАТАТОРСКАЯ РОЛЬ РЕЛИГИИ.

Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса.

(Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством.

(Ленин, «Социализм и религия»).

Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их революционное настроение, разрушать их революционную решительность.

(Ленин, «Крах II Интернационала»).

Прежде говорили: «Каждый за себя, а бог за всех». И сколько горя из этого вышло.

Мы скажем: «Каждый за всех, а без бога мы как-нибудь обойдемся».

(Ленин, Речь на беспартийной конференции Красно-Пресненского района).

В самых свободных странах, в таких странах, где совсем неуместен призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке», в таких странах (Америка, Швейцария и т. п.) народ и рабочих оту-

пляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построяемого боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье, даже с боженькой, есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая демократической буржуазией, именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллионы грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные идейные костюмы идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), гораздо менее опасен именно для «демократии», чем поп без рясы, поп без убогой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа легко разоблачить, осудить и выгнать, а второго нельзя выгнать так просто, разоблачить его в тысячу раз труднее, «осудить» его ни один хрупкий и жалостно шаткий обыватель не согласится.

(Ленин, «Письмо 32 к М. Горькому».
Ленинский сборник I, стр. 145—6).

Святыня православия (господствующим классам) тем дорога, что «учит» безропотно переносить горе. Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит лишения и несет тяжелые обязанности, то вполне естественно сочувствие эксплуататоров религии, учащей безропотно переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая.

Благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений», — «спят спокойно» и Стаховичи (русский помещик) и Обломовы, и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющий все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе.

(Ленин, «Политическая агитация и классовая точка зрения»).

Рабочие Франции и Германии прониклись духом мятежа. Они повально были заражены социализмом и при этом, по весьма понятным соображениям, отнюдь не пылали особенной любовью к законности тех средств, с помощью которых они надеялись завоевать господство... Что же оставалось делать немецкой и французской буржуазии для своего спасения, как не выбросить втихомолку свое свободомыслие, совсем наподобие развязного франта, который, когда его все более и более начинает одолевать морская болезнь, бросает дымящую сигару, которой он раньше хвастливо щеголял у борта корабля. Один за другим бывшие насмешники стали превращаться в весьма благочестивые создания; они стали отзываться с почтением о церкви, ее учениях и обрядах и даже сами принялись их проделывать, поскольку, понятно, нельзя было их обойти. Французские буржуа стали отказываться по пятницам от мяса, а немецкие — терпеливо потели на своих церковных сидениях, выслушивая до конца бесконечные протестантские проповеди. Со своим материализмом они попали в беду, и последним и единственным средством спасения общества от полной гибели стал лозунг: «Религия должна быть поддержана в народе». К несчастью своему, они это открыли лишь после того, как сделали все, что было в человеческих силах, чтобы навсегда разрушить религию.

С конца XVII века буржуазия стала хотя и скромной, но официально признанной составной частью господствующих классов Англии. Вместе с аристократией буржуазия была заинтересована в угнетении широких трудящихся масс народа. По отношению к своим приказчикам, рабочим, прислуге — купец и фабрикант занимают положение хозяев-кормильцев, или, как в Англии еще давно выражались, — «поставленных самой природой начальников». Буржуа должен выжать из своих рабочих возможно больше труда возможно лучшего качества, а для этого ему необходимо воспитать их в соответствующей покорности. Сам он религиозен; религия ему дала то знамя, под которым он боролся с королями и лордами; очень скоро он в религии открыл также средство для обработки душ своих подчиненных в духе послушания всем приказам хозяина-кормильца, поставленного над ними неисповедным божественным предопределением. Короче говоря, английский буржуа стал участвовать в угнетении «низших классов», широких трудящихся народных масс и, как одним из необходимых для этого средств, он стал пользоваться влиянием религии.

Но сюда присоединилось еще одно обстоятельство, усилившее религиозные симпатии буржуазии, именно — возникновение в Англии материализма. Это новое безбожное учение не только возмутило богобоязненное среднее сословие; оно, кроме того, объявило себя философией исключительно для ученых и образованных светских людей в противоположность религии, которая в достаточной мере годится для широкой необразованной массы, включая сюда и буржуазию. В лице Гоббса материализм выступил на сцену в роли защитника королевского всевластия и призывал абсолютную монархию к обузданию народа, этого здорового и озорного малого. Равным образом у последователей Гоббса — Болингброка, Шефтсбюри и др. — новая деистическая форма материализма осталась аристократическим, эзотерическим учением, ненавистным буржуазии не только за его религиозное еретичество, но и за его антибуржуазные политические симпатии. Вот почему, в противоположность материализму и деизму аристократии, боевые силы прогрессивного среднего класса составили протестантские секты, принимавшие главное участие в борьбе со Стюартами и посейчас еще образующими позвоночник «великой либеральной партии».

Между тем, из Англии материализм перешел во Францию, где он застал другую материалистическую школу философии, вышедшую из картезианства, с которой он и слился.

(Энгельс, Предисловие к брошюре
«Развитие социализма от утопии к науке»).

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся главным образом в черносотенных погромах, завтра, может-быть, додумается до каких-нибудь более тонких форм. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий проповедь пролетарской солидарности и научного мирозозерцания.

(Ленин, «Социализм и религия»).

В своей борьбе с капитализмом за диктатуру пролетариата революционный коммунизм наталкивается на многочисленные течения среди рабочего класса, течения, выражающие большую или меньшую

степень идеологического подчинения пролетариата империалистической буржуазии или отражающие идеологическое давление на него со стороны мелкой буржуазии и мещанства...

(Программа Коминтерна).

Конфессиональные, религиозно-окрашенные направления в среде рабочего класса находят свое выражение в конфессиональных профессиональных союзах, часто непосредственно связанных с соответствующими политическими организациями буржуазии и примыкающих к той или другой церковной организации господствующего класса (католические профессиональные союзы, христианские союзы молодежи, еврейские сионистские организации и т. д.). Все эти течения, будучи наиболее ярким продуктом идеологического пленения некоторых слоев пролетариата, носят в большинстве случаев романтически-феодалную окраску. Оsvещая святую водой религии все гнусности капиталистического режима и терроризуя свою паству призраками загробных кар, руководители этих организаций являются наиболее реакционными отрядами классового врага в стране пролетариата.

(Программа Коминтерна).

Такие течения, как гандизм в Индии, насквозь проникнутые религиозными представлениями, идеализирующие наиболее отсталые и экономически реакционные формы быта, видящие выход не в пролетарском социализме, а в возврате к этим отсталым формам, проповедующие пассивность и отрицание классовой борьбы, превращаются в процессе развития революции в открыто реакционную силу. Гандизм все более становится идеологией, направленной против революции народных масс. Он должен быть предметом решительной борьбы со стороны коммунизма.

(Программа Коминтерна).

III. РЕЛИГИЯ И МОРАЛЬ.

Вы позволяете мне стать на точку зрения социально-эволюционную и формулировать вопрос следующим образом: не является ли разложение религиозной идеи естественным концом ее эволюции?

Но прежде всего, что такое религия? Если мы воспользуемся тем определением, которое Эдуард Б. Тэйлор называет определением-минимум термина «религия», — то мы скажем, что религия есть вера в духовное существо, существующее рядом с телами и процессами природы¹⁾.

Эта вера, являющаяся необходимым элементом всякой религии, служит в то же время для объяснения всех явлений природы. Но на более высокой стадии социальной эволюции к этому примитивному элементу присоединяется еще новый моральный элемент.

Связь обоих элементов становится все более и более тесной. Тогда мы доходим до того, что я мог бы назвать определением-максимум религии: вера в духовные существа, связанная с моралью и служащая ей санкцией. Вот почему многие полагают, что сущность религии заключается в морали.

Но мы далеки еще от конца этой эволюции.

Связь между моралью и религией, казавшаяся неразрывной, должна исчезнуть благодаря прогрессу человеческого разума.

¹⁾ Правда, что духовное существо не есть еще бог. Чтобы стать богом, духовное существо должно совершить известную эволюцию. Бог,—это—духовное существо, связанное взаимными услугами с данным племенем или народностью. Но всякий бог есть духовное существо. В данном случае для нас это вполне достаточно.

Научное объяснение феноменов может быть только материалистическим. Вмешательство духовных существ, которое в глазах дикаря объясняет все явления, ничего не объясняет в глазах Бертело; значение такого объяснения падает для каждого цивилизованного человека по мере того, как он усваивает результаты работы науки.

Если многие верят еще в существование духов и сверхъестественных существ, то это потому, что, по разным причинам они не смогли победить препятствий по пути к научной точке зрения.

Когда препятствия эти будут устранены, — а все заставляет думать, что это будет делом социальной эволюции, — исчезнет всякий след супранатуралистической концепции, а мораль вынуждена будет занять свое независимое место. Религия, в максимальном смысле этого слова, отживает. Что касается религиозного чувства, то очевидно, что оно исчезнет вместе с разложением религиозной идеи. Но в чувствах, конечно, больше консерватизма, чем в идеях. Могут и будут иметь место различные пережитки, народятся убогодочные концепции мира, полуматериалистические, полуспиритуалистические.

Но и пережитки эти осуждены на исчезновение в свой черед, в особенности — по исчезновении некоторых социальных учреждений, якобы, санкционированных религией.

Прогресс человечества несет с собой смертный приговор и религиозной идее и религиозному чувству. Только робкие или заинтересованные выражают опасение за судьбу морали. Мораль, повторяю, способна вести самостоятельное существование.

Вера в духовные существа даже и теперь далека от того, чтобы быть опорой морали. Напротив, религиозные верования цивилизованных наций нашего времени, в большинстве случаев, отстали от их морального развития.

В. К. Клиффорд справедливо замечает: «Если бы люди не были лучше своих религий, мир был бы адом».

(Плеханов, т. XVII, стр. 342—343).

На известной стадии культурного развития анимистические представления и связанные с ними настроения срastaются с нравственностью в широком смысле этого слова, т. е. с понятиями людей о своих взаимных обязанностях. Тогда человек начинает смотреть на эти обязанности, как на заповеди, данные богом. Но хотя представление об этих обязанностях срastается с анимистическими представлениями, однако оно отнюдь не вызывается ими. Нравственность возникает раньше, чем начинается процесс срastания относящихся к ней представлений с верой в существование богов. Религия не создает нравственности. Она только освящает ее правила, вырастающие на почве данного общественного строя.

(Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 230).

Религия в широком и, конечно, гораздо более точном смысле этого слова действительно возникает только тогда, когда общественный человек начинает искать у бога или у богов санкции для своей морали или вообще для своих действий и учреждений.

Под религией в узком смысле мы понимаем то, что Тэйлор называет *minimum* религии, т. е. вообще веру в существование духов. Первоначально такая вера не имеет никакого влияния на действия людей, и тогда она не имеет ровно никакого значения, как «фактор» общественного развития, поэтому и религией ее можно называть лишь с весьма существенной оговоркой.

(Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 328).

Противоположность между добром и злом находится исключительно в области морали, составляющей отрасль человеческой истории,

а здесь-то как раз наименее часто встречаются окончательные истины последней инстанции. Представления о добре и зле у разных народов и в разные эпохи так сильно изменялись, что они часто противоречат друг другу. Однако — могут возразить на это — добро ведь все-таки не зло, и зло — не добро; если смешать в одну кучу то и другое, то совершенно упраздняется всякая нравственность, и каждый сможет поступать, как ему вздумается... Но, ведь, на самом деле вопрос этот не решается так просто. Если б это было так просто, то не было бы никакого спора о добре и зле, и каждый знал бы, что есть добро и что — зло.

Как же обстоит дело теперь? Какую мораль проповедают нам ныне? Тут мы видим сначала христианскую феодальную мораль, разветвленную более ранней набожной эпохой; она разветвляется на католическую и протестантскую, которые опять-таки, в свою очередь, распадаются на всевозможные подразделения, начиная от иезуитско-католической и ортодоксально-протестантской до просвещенно-свободомыслящей.

Наряду с этими разновидностями фигурирует еще современная, буржуазная мораль, а рядом с ней пролетарская мораль будущего. Таким образом, прошлое, настоящее и будущее дают нам уже в одних только прогрессивных странах Европы три больших группы одновременно и совместно действующих теорий морали. Какая же из них истинная? В смысле абсолютной завершенности — ни одна. Но несомненно, что наиболее прочными и устойчивыми элементами обладает та мораль, которая в настоящее время является представительницей будущего, представительницей переворота и преобразования настоящего, т. е. — мораль пролетарская.

Если мы видим, что все три класса современного общества — феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат — имеют каждый свою особую мораль, то мы можем из этого факта сделать лишь тот вывод, что люди, сознательно или бессознательно, в последнем счете черпают свои нравственные воззрения из практических отношений, на которых основано их классовое положение, из экономических условий их производства и обмена.

Но вышеприведенные три теории морали имеют ведь кое-что общее; не является ли оно, это общее, по крайней мере, элементом раз навсегда установленной морали? Эти три теории морали (аристократии, буржуазии и пролетариата) представляют собой три ступени одного и того же исторического развития; они имеют, следовательно, общую историческую подкладку, и уже поэтому им необходимо присуще много общего. Более того: на разных или приблизительно разных ступенях экономического развития теории морали необходимо должны более или менее согласовываться.

С момента развития права частной собственности на движимое имущество все общества, среди которых действовало это право, должны были иметь общую заповедь: «не укради». Становится ли заповедь эта, таким образом, вечным моральным законом? Ничуть. В обществе, устранившем мотивы, возбуждающие или даже принуждающие к воровству, где, следовательно, воровать могут в крайнем случае только душевнобольные, в таком обществе высмеяли бы того проповедника-моралиста, который стал бы торжественно провозглашать вечную истину — не укради.

Поэтому мы отвергаем всякое притязание навязать нам какую бы то ни было моральную догматику как вечный, окончательный и впрямь неизменный нравственный закон, под тем предлогом, что и моральный мир имеет также свои постоянные принципы, стоящие над историей и над различиями народов. Мы, напротив того, утверждаем, что все моральные теории являются в последнем счете — результатом данного экономического состояния общества. А так как общество до сих пор жило всегда среди классовых противоречий, то и мораль была

постоянно классово: она или оправдывала власть и интересы господствующих классов, или же оправдывала возмущение против их власти и защищала интересы будущности угнетенных, как только последние приобретали достаточную силу.

Несомненно, что при этом в целом и общем получился прогресс как в области морали, так и во всех других отраслях человеческого познания; однако, мы все еще далеко не свободны от классовой морали. Истинно человеческая мораль, стоящая над классовыми противоречиями и над их пережитками, станет возможной лишь в том обществе, которое не только преодолет классовые противоречия, но и забудет о них в практической жизни. Исходя из такой точки зрения, можно оценить всю неимоверность самомнения и самовозвеличения тех, кто среди старого классового общества, накануне социальной революции, желает навязать будущему внеклассовому обществу вечную, независимую от времени и от реальных перемен, мораль. Оценка эта не изменится, даже если предположить, — это нам до сих пор еще неизвестно, — что известна, хотя бы в основных чертах, структура будущего общества.

(Энгельс, «Анти-Дюринг»).

Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полудеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

(Ленин. Речь на III Всероссийском съезде РКСМ).

IV. РЕЛИГИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ.

Но раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за освобождение, наполовину перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, сбрасывает с себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывает себе лучшую жизнь здесь на земле.

Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплывает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

(Ленин, «Социализм и религия»).

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не

должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачивания рабочих. Для нас идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

(Ленин, «Социализм и религия»).

Когда общество, овладев всеми орудиями производства и планомерно пользуясь ими, освободит себя и всех своих членов от рабства, в котором они ныне находятся, благодаря производству; когда человек будет не только предполагать, но и располагать, — тогда только исчезнет последняя внешняя сила, которая ныне отражается в религии, а вместе с тем исчезнет и само религиозное отражение по той простой причине, что нечего будет больше отражать.

(Энгельс, «Анти-Дюринг»).

Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто-теоретической, всегда себе, равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей на деле и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный словесный, на деле пустой «революционизм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетом: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т. д., и т. п.

(Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

V. КАК БОРЬТЬСЯ ПРОТИВ РЕЛИГИИ.

С тех пор, как опровергнута небесная молитва за домашние очаги, земное существование заблуждения скомпрометировано. Человек, нашедший в фантастической действительности неба, где он искал сверхчеловека, лишь отражение себя самого, не пожелает больше находить лишь видимость себя самого, лишь человека, там, где он ищет и должен искать своей истинной действительности.

Основание антирелигиозной критики таково: человек создает религию, религия не создает человека. Религия есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не отыскал себя, или снова уже потерял себя. Но человек — не абстрактное, вне мира витающее существо. Человек — это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество создают религию, превратное мирознание, ибо сами они — превратный мир. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедическая сводка, его логика в популярной форме, его спиритуалистическое исповедание, его моральная санкция, его торжественное завершение, его общая основа, дающая ему утешение и оправдание. Она — фантастическое воплощение человеческого существа, ибо человеческое существо не обладает истинной действительностью. Таким образом, борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительной нищеты и протест против действительной нищеты. Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух безвременья. Она — опиум народа.

Упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказаться от иллюзий о своем положении есть требование отказаться от положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия.

Критика сорвала воображаемые цветы с цепей не за тем, чтобы человек носил трезвые, безнадежные цепи, а за тем, чтобы он сбросил цепи и срывал живые цветы. Критика религии разочаровывает человека, чтобы он мыслил, действовал, развивал свою действительность, как разочарованный, образумившийся человек; чтобы он двигался вокруг себя самого и своего действительного солнца. Религия есть лишь призрачное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начнет двигаться вокруг самого себя.

Таким образом, с тех пор, как исчезла правда неземная, задача истории — восстановить земную правду. Ближайшая задача философии, находящейся на службе истории, с тех пор, как разоблачен священный образ человеческого самоотчуждения, — состоит в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его неосвященных образах. Критика неба обращается, таким образом, в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики.

(Маркс, т. I, стр. 355—356).

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана политики, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломать сопротивление этих классов, есть только одно средство: найти в самом окружающем вас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут и, по своему общественному положению, должны составить силу, способную снести старое и создать новое.

(Ленин, «Три источника и три составных части марксизма»).

Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди. Эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленной к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, — отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм; распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культивируемое. Такой взгляд недостаточно глубок, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии.

(Ленин, «Отношение рабочей партии к религии»).

В современных капиталистических странах эти корни главным образом социальные. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массаами народа, — которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «незапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в проститутку, голодную смерть, — вот тот корень современной религии, который, прежде всего, и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забытых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительная книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть подчинена ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров.

(Ленин, «Отношение рабочей партии к религии»).

Но мы ни в каком случае не должны при этом сбиваться на абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», вне классовой борьбы, — постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том, что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительной революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

(Ленин, «Социализм и религия»).

Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и этак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.

(Ленин, «О значении воинствующего материализма»).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. За большую активность. А. Коростелев	8
2. Марксизм и религия (в выдержках и цитатах из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова)	9
3. Культурная революция и антирелигиозная пропаганда. Ем. Ярославский	23
4. Борьба за коммунизм и религия в СССР. И. Малинкин.	35
5. Бог завоевывает школу. М. Шейнман	47
6. Союз безбожников и его работа. Н. Инцерт	52
7. Особенности антирелигиозной работы среди национальностей. М. Кобецкий	64
8. ДРП и антирелигиозная пропаганда. И. Флеров	74
9. Работа просвещенцев среди населения города И. Флеров	83
10. Школьная секция при ячейке СБ просвещенцев. И. Флеров	85
11. На живом опыте. Н. Амосов	87
12. Приложение: Программы кружков	102
